

**Концептуализация онтологической позиции Ф. Бэкона:
историко-философский подход**

Евгений Алексеевич Воронцов

Кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и медиакоммуникаций
Российский государственный университет социальных технологий,
Москва, Россия
evg-v@yandex.ru
SPIN-код: 8873-1231

Оригинальная статья

Поступила в редакцию 17.11.2023

Поступила после рецензирования 11.02.2024

Аннотация

Представление о Ф. Бэкона как родоначальнике новоевропейского эмпиризма, апологете и методологе науки, бросившем вызов схоластическим моделям понимания сущего, является сегодня общепризнанным. Осуществленный в рамках данной работы анализ онтологической позиции английского мыслителя ставит на повестку дня целесообразность радикальной переоценки его философского наследия. Модель Бэкона фундируется двумя относительно самостоятельными идейными источниками – собственно философским и религиозным. Анализируя первый из указанных компонентов, автор выделяет в ней три взаимосвязанных элемента: учение о видах и уровнях причинности, доктрину единства материи и формы, концепцию пирамидальной структуры познания и бытия. Идейное ядро религиозной компоненты онтологической модели Бэкона складывается из трёх фундаментальных принципов – креационизма, провиденциализма, ревелационизма. В ходе работы применялись основные философские (метафизика, диалектика, герменевтика) и общенаучные методы исследования (сравнительно-исторический анализ, принцип системности, принцип восхождения от абстрактного к конкретному).

Ключевые слова

Ф. Бэкон, причинность, метафизика, наука, эпистемология, гилеморфизм, материя, эмпиризм, теория двух истин.

© Воронцов Е.А., 2024.

Введение

В подавляющем большинстве исследований, посвящённых творчеству Бэкона, акцентируется внимание на вкладе мыслителя в разработку и популяризацию принципиально новой эпистемологии, положившей конец доминированию спекулятивно-умозрительного постижения сущего, характеризующего интеллектуальный ландшафт европейской культуры предшествующих эпох (Klein; 2024; Субботин, 1977; Чельшев, 2017). Но любая гносеологическая концепция функционирует в рамках определённого онтологического каркаса, вне которого последняя адекватно осмыслена и оценена быть не может.

Среди доминирующих подходов к онтологической составляющей учения Бэкона можно выделить три основные позиции. Следуя по стопам Маркса, сторонники первой точки зрения ставят Бэкона в один ряд с классиками античного атомизма и характеризуют английского лорд-канцлера как основоположника новоевропейского материализма (Маркс, 1955). Позиционируя автора «Нового Органона» как корифея эмпиризма и критика метафизики, считают Бэкона «своим» и приверженцы позитивизма (Конт, 2003; Егоров, 2021; Царегородцев, 2018; Дроздова, 2021). Для современных учебных пособий, ориентирующихся на стандарты «позитивного знания», сциентистский образ Бэкона является каноническим. Интерпретация воззрений английского мыслителя, не предполагающая учёта их онтологической составляющей, характерна также для исследований постмодернистского толка, к содержательному анализу проблем спекулятивно-теоретического плана индифферентных (Дроздова, 2021). Можно ли считать указанные подходы к философскому наследию Бэкона релевантными? Попробуем разобраться.

Материалы и методы исследования

Анализ бэконовского учения о реальности естественно начать с разбора фундаментального для его философских построений принципа причинности.

Сфокусированность философской мысли Бэкона на поиске каузальных связей является прямым следствием его программной мировоззренческой установкой подчинения сотворенного сущего безраздельному царству человека (*regnum hominis*) (Лосев, 1982; Фишер, 2003). «Собственная и конечная цель истинной естественной философии – это власть над природными вещами, телами, лечебными средствами, машинами и бесконечным множеством других вещей» (Бэкон, 1972). Руководствуясь представлением, согласно которому «тонкость природы» многократно превосходит познавательные возможности человека, Бэкон называет последнего её «служгой и истолкователем» и полагает, что единственный путь овладения ею заключается в открытии и последующем применении присущих ей законов. «Никакие силы не могут разорвать или раздробить цепь причин; и природа побеждается только подчинением ей. Итак, два человеческих стремления – к знанию и могуществу – поистине совпадают в одном и том же; неудача в практике более всего происходит от незнания причин» (Бэкон, 1977). Таким образом, в своём практическом применении принцип причинности выступает рациональным основанием возможности подчинения природы.

Укажем также, что, под стать подавляющему большинству онтологических учений классической эпохи модель Бэкона имеет отчётливо выраженную монистически-иерархическую структуру. Определяющая особенность моделей указанного типа – разграничение в сущем базовых и производных компонентов («первых» и «вторых» сущностей) и, как результат, установление между ними определённых причинно-следственных связей.

Кроме того, согласно Бэкону, принцип причинности имеет важное методологическое значение. Данный принцип выдвигается Бэконом в качестве основополагающей регулятивной нормы теоретического познания, направленного на объекты, которые в эмпирическом опыте зафиксированы быть не могут (вторым фундаментальным принципом спекулятивного постижения сущего выступает закон недопустимости противоречия). В работе «О началах и истоках», посвящённой умозрительным концепциям возникновения Вселенной, Бэкон пишет: «Будем считать общепринятыми следующие два положения: во-первых, что сущее не возникает из не-сущего, как начала не должны выводиться не иначе как из начал, и, во-вторых, что явное противоречие недопустимо» (Бэкон, 1972).

В своем учении о причинности английский мыслитель опирается на общепринятую в его время аристотелевскую традицию, исходящую из различия четырёх видов каузальности: материальной, движущей, формальной, целевой. Каждая из причин отвечает на определённый вопрос, направленный на выявление одного из базовых аспектов исследуемого предмета. Материальная причина отвечает на вопрос, из чего данная вещь образуется (медь для изваяния). Движущая причина отвечает на вопрос, благодаря чему данная вещь появляется (отец для ребенка). Формальная причина отвечает на вопрос, какова сущность данной вещи, на основе которой она получает своё имя и может быть отнесена к тому или иному классу (числовое соотношение для музыкального тона). Наконец, целевая причина отвечает на вопрос, ради чего данная вещь существует (здоровье для прогулки) (Аристотель, 1976).

Разделяя позицию того же Аристотеля, согласно которой знание есть знание причины, Бэкон подчеркивает, что из четырёх видов каузальности главного внимания в ходе научного познания требует причина формальная.

Проясняя смысл понятия формы, Бэкон использует такие выражения, как «истинное отличие», «производящая природа», «закон чистого действия» (Бэкон, 1972). По отношению к вещи форма выступает, с одной стороны, как её внутренняя сущность (в противоположность её внешнему явлению), а с другой – как её объективное содержание (в противоположность возможным субъективным оценкам исследуемого предмета со стороны человека). И на уровне «таблиц», и на уровне «прерогативных инстанций» форма выступает главной целью «истинной индукции», составляющей основу бэконовской методологии научного знания (Бэкон, 1972).

По мнению английского мыслителя, понимание формы как главного предмета научного познания было впервые выдвинуто Платоном. Бэкон, однако, полагал, что основатель идеализма заблуждался, рассматривая форму «как нечто совершенно отвлечённое от материи и не детерминированное ею» (Бэкон, 1977). Напротив, формы Бэкона не трансцендентные вещам идеи, а имманентные им естественные законы. Поэтому открытие той или иной формы невозможно без исследования материальной и движущей причин, эту форму порождающих. «Пусть не отнесут наши слова (даже относительно простых природ) к абстрактным формам и идеям или вовсе не определённым в материи или плохо определённым. Ибо когда мы говорим о формах, то мы понимаем под этим не что иное, как законы и определения чистого действия, которые создают простую природу, например, теплоту, свет, вес во всевозможных материях и воспринимающих их предметах. Итак, одно и то же есть форма тепла или форма цвета и закон тепла или закон света. Мы никогда не отвлекаемся и не отходим от самих вещей или практики» (Бэкон, 1972).

Критикуя платоновское удвоение сущего, Бэкон в то же время подчеркивает: взятые вне связи с формальной причиной материальные и движущие компоненты исследуемого явления «бессодержательны и поверхностны» (Бэкон, 1972). Иллюстрируя данное положение, мыслитель приводит два возможных объяснения белизны. Допустимо определить белизну как тонкую смесь воздуха и воды. Но это определение ограничено фиксацией «преходящих» компонентов (материальной и движущей причинами). Указанные компоненты несущественны, поскольку искомое может быть получено и иначе: воздух, смешанный со стеклянным порошком, даст тот же эффект. Подлинное определение данного явления акцентирует внимание на формальной составляющей: «два прозрачных тела, равномерно смешанные между собой в мельчайших частях в простом порядке, создают белизну» (Бэкон, 1977). В контексте приведённого примера хорошо видно, почему познание какой-либо вещи, ограниченное ей же самою, квалифицируется Бэконом как «величайшее невежество» (Бэкон, 1972).

Намеченная субординация каузальных факторов закреплена в утверждаемом Бэконом чётком различении физики и метафизики. В рамках бэконовской классификации знаний указанные дисциплины составляют теоретическую часть учения о природе. Физика занимается причинами движущими и материальными (Бэкон прямо называет их «преходящими»), а метафизика – причинами формальными и целевыми. «Физика изучает то, что материально и изменчиво, метафизика же – главным образом то, что абстрактно и неизменно. С другой стороны, физика видит в природе только внешнее существование, движение и естественную необходимость, метафизика же – еще и ум, и идею» (Бэкон, 1077).

В данном отношении мысль Бэкона движется в русле идеалистической традиции, отчётливо представленной в платоновском «Тимее». При объяснении устройства мироздания в его целостности следует руководствоваться представлением о существовании двуединой каузальности. Первый вид причинности соответствует уровню умозрительных смыслов и целей, второй – уровню представленных в чувственном опыте материальных факторов, посредством которых указанные смыслы и цели реализуются. Причины первого вида, именуемые «разумными», являются основными. Причины второго рода, именуемые «неразумными», напротив, трактуются как второстепенные. «Почитатель ума и знания, – пишет Платон, – должен рассматривать прежде всего причины, связанные с разумной природой, и лишь во вторую очередь те, которые связаны с вещами, движимыми извне и потому с необходимостью движущие другие вещи» (Платон, 1978).

Обосновывая главенство метафизики, Бэкон опирается на два онтологические допущения: сводимость сложного к простому, с одной стороны, и приоритет единого над многим – с другой. Руководствуясь первой из указанных предпосылок, Бэкон сравнивает мир «отдельных субстанций» (куда входят представители живой и неживой природы) с «бесконечным множеством слов», а однородные характеристики этих субстанций («плотное», «горячее», «легкое», «осязаемое») – с исчислимым количеством букв. Метафизика изучает «форму» букв, физика – «форму» состоящих из них слов. «Вполне доступно и даже легко» исследовать базовые структуры («формы первого класса»), исследовать же их бесчисленные производные – «нелегко и совершенно бесполезно», (Бэкон, 1977). «Например, когда речь идет о льве или дубе, то очевидно, что они обладают множеством различных акциденций; наоборот, если исследуется тепло или тяжесть, то они могут быть присущи множеству отдельных субстанций» (Бэкон, 1977)].

Исходя из второго допущения, Бэкон уподобляет всю совокупность научных знаний трехъярусной пирамиде. Первый ярус – история и опыт, второй – физика, третий – метафизика. Совершенство науки, учит Бэкон, ссылаясь на авторитет крупнейших античных теоретиков всеединства – Парменида и Платона, определяется числом ее базовых аксиом и степенью единообразия её предмета. «Только та наука превосходит остальные, – утверждает Бэкон, – которая менее других отягощает человеческий ум множественностью» (Бэкон, 1977). Интересно, что «высший закон природы», то есть самая верхняя точка пирамиды, остаётся и останется, по убеждению философа, для человеческого ума непроницаемой.

Дифференциация ступеней познания является, по мысли Бэкона, прямым следствием иерархичности сущего. Разбирая миф о Пане (олицетворяющий, по мысли Бэкона, природу) и объясняя, почему рога Пана в основании широкие, а выше, к вершине, острые, английский мыслитель устанавливает следующую субординацию. Основание пирамиды образуют бесконечные по количеству индивидуумы. Они объединяются в многочисленные виды; виды же – в свою очередь – в роды. Последние соединяются в более общие категории, так что, в конце концов, природа как бы свертывается в одной точке, имплицитно содержащей в себе (на уровне общих оснований) всё многообразие

единичных видимых явлений (Бэкон, 1977). Прогресс познания заключается в постепенном восхождении от многого к единому.

Отметим, что приведённая иерархия трактуется Бэконом в духе средневекового реализма: роды и виды, а также категории и универсалии не ментальные конструкции, а имманентные природе связующие принципы. Таким образом, сущее к «совокупности индивидуальных вещей» не сводится (Бэкон, 1977). Помимо единичных вещей в природе есть общее, сущность этих вещей составляющее. Учитывая это обстоятельство, широко распространённая оценка Бэкона как безусловного приверженца номинализма требует определённых уточняющих корректировок (Субботин, 2010). Другое дело, что общее без единичного в модели Бэкона не существует. Исходя из утверждаемого Бэконом принципа двуединства материи и формы, английский мыслитель может быть назван дуалистом. Но, поскольку, вопреки Фейербаху (Фейербах, 1974), определяющим началом у Бэкона выступает не материя, а форма, в настоящем случае точнее говорить не о дуализме, а о гилеморфизме. В данном пункте Бэкон является продолжателем линии Аристотеля.

Отдельного внимания требует отношение Бэкона к причинам целевого плана (Бэкон называет их «конечными»). В настоящем случае позиция английского мыслителя амбивалентна. С одной стороны, он подчёркивает, что в ходе поиска «реальных» факторов физических явлений апелляция к конечным причинам не просто неэффективна, а вредна и пагубна (Бэкон, 1977). «Веки – забор для защиты глаз», «кости – колонны для поддержания тела», «листья – защита плодов от солнца». Подобные объясняющие модели практическому использованию изучаемых явлений не содействуют. Присущий идеалистическому подходу акцент внимания на абстрактных каузальных связях целевого характера в ущерб изучению конкретных причинно-следственных взаимодействий физического плана нанёс, по мнению Бэкона, непоправимый вред естественной философии. В этом смысле позиция атомистов, финалистский подход не приемлющих, представляется Бэкону предпочтительнее. Вырванные из контекста, эти рассуждения звучат вполне материалистически. Однако этот вывод оказывается преждевременным, если учесть, что Бэкон не менее решительно учит о том, что физические и целевые причины друг друга не исключают. Напротив – в силу разумного устройства мироздания (а точнее говоря, Промысла) – взаимодействие указанных факторов являют собой пример «восхитительной» гармонии, различаясь лишь тем, что «одни причины указывают на цель, другие же просто называют следствие» (Бэкон, 1977). Элиминация конечных причин из физических объяснений необходима, но игнорирование забвение оных в ходе осмысления мироздания в его целостности абсурдно. Учение атомистов, заявлявших, что космос есть следствие бессмысленного столкновения материальных частиц, представляется Бэкону несостоятельным, а тот факт, что уже в античности атомистическая космогония стала мишенью критики и насмешки, представляется ему неслучайным (Бэкон, 1977). Другое дело, что для понимания и последующего обустройства отдельных областей материального мира (а именно эта идея, как подчеркивалось, и составляет движущий нерв философии Бэкона) первостепенное значение имеют факторы не метафизические, а физические. Таким образом, в своём учении о причинности Бэкон отдаёт дань сразу трём зачинателям наиболее влиятельных античных традиций: и Аристотелю, и Платону, и Демокриту.

Итак, существование каждой вещи (сущности) определяется четырьмя причинами. Указанные причины объединены двумя общими характеристиками. С одной стороны, в силу того обстоятельства, что они объясняют взаимосвязи чувственных явлений, они могут быть названы эмпирическими. С другой стороны, поскольку каждое звено причинного ряда является одновременно и следствием, каждая из четырёх причин является относительной.

Определяющая особенность онтологической модели Бэкона заключается в том, что наряду с относительно-эмпирической каузальностью английским мыслителем утверждается перманентное действие каузальности абсолютно-метафизической. В первом случае речь идёт о причинах, требующих для своего существования и объяснения других причин (уровень «вторичных причин»), тогда как во втором – о причине самодостаточной, в иных объясняющих принципах не нуждающейся (уровень «первопричины»). Первый тип каузальности может быть назван каузальностью горизонтальной, второй – вертикальной. «Когда человеческому разуму являются лишь вторичные причины как наиболее доступные чувственному восприятию, а сам разум погружается в их изучение и останавливается на них, может незаметно подкрасться забвение первопричины, если же кто-нибудь пойдёт дальше и будет наблюдать зависимость причин, их последовательность и связь между собой, а также деяние Провидения, тот легко поймет, что, говоря словами поэтов – творцов мифов, самое первое кольцо в цепи природы приковано к трону самого Юпитера» (Бэкон, 1977).

Обращает на себя внимание, что переход от вторичных причин к их общей основе выглядит в глазах Бэкона вполне резонно: без признания первопричины объяснить согласованность и взаимосвязь вторичных причин проблематично. Другое дело, что указанный вывод носит спекулятивно-умозрительный характер и, как подчеркивает Бэкон, требует перемещения внимания с эмпирического уровня на уровень метафизический, с исследования порядка явления на исследование порядка причин, эти явления порождающих. Кроме того, постулируя существование первопричины, Бэкон мог руководствоваться и одной из базовых аксиом классической философской мысли, согласно которой бесконечный причинный ряд объясняющей силы не имеет. Концептуальное обоснование этого положения было представлено в хорошо известной Бэкону «Метафизике» Аристотеля (Аристотель, 1976).

Подчеркивая фатальную ограниченность чувственного опыта (последний подобен солнечному свету: освещая земной шар, он тем самым скрывает небесный свод и звезды), Бэкон, с одной стороны, солидаризируется с платонизмом, с другой – выступает против заносчивости приверженцев эмпирической традиции, сверхчувственных причин не признающих. «Чувства раскрывают нам природные явления, божественные же скрывают. Отсюда порой случается так, что некоторые из учёных впадают в ересь, пытаясь на крыльях, скрепленных воском чувственных восприятий, взлететь к божественной мудрости» (Бэкон, 1977).

Критическая оценка возможностей эмпирического познания не только лишний раз свидетельствует о признаваемой самим Бэконом зависимости его построений от платонической традиции, но позволяет различать в них ряд идей, предвосхищающих результирующие положения учения Канта. Расходясь в решении проблемы доказуемости существования первопричины, оба мыслителя солидарны в утверждении принципиальной ограниченности научного знания и невозможности перехода от познания условных явлений к познанию причины безусловной, эти явления порождающей. Оба ограничивают разум, оставляя место вере. Оба утверждают, что наука и атеизм – феномены несопоставимые.

Результаты и обсуждение

Под стать подавляющему большинству классических онтологий, сфокусированных на идее безусловного основания сущего, учение Бэкона о реальности фундируется внушительной теологической составляющей (Matthews, 2008).

Теснейшая связь онтологии (как части философии) и теологии ясно осознается и конституируется самим Бэконом. В своём программном произведении «О достоинстве и преумножении наук», посвящённом масштабной классификации наиболее перспективных

и важных областей знания, Бэкон делит последнее на две основные части. Первую составляют сведения, полученные посредством чувственного опыта, вторую – сведения, почерпнутые из Откровения. «Всякая наука дает нам двоякого рода знание. Одно есть результат божественного вдохновения, другое – чувственного восприятия» (Бэкон, 1977).

Теология, основанная на Откровении, и теология, основанная на естественном свете разума, тождественны по предмету и отличны по методу (Бэкон, 1977). Подчеркивая их различие и взаимосвязь, Бэкон пишет: «Знание по его происхождению можно уподобить воде: воды либо падают с неба, либо возникают из земли» (Бэкон, 1977). Отметим, кстати, что нередко фигурирующая в исследовательской литературе интерпретация Бэкона как сторонника иррациональной веры эту взаимосвязь игнорирует и должна быть признана односторонней (Фишер, 2003; Чельшев, 2017). Бэкон, следовательно, исходит из признания не одного, а двух источников знания. В этом отношении английский мыслитель – типичный представитель теории двойной истины в той её версии, которая была осознана на теоретическом уровне в построениях поздней схоластики (Дунс Скот, Оккам) и получила впоследствии практическое воплощение в трудах учёных Возрождения (Кеплер, Галилей).

Массив знаний, полученных посредством опоры на чувственный опыт, Бэкон именует философией. Последняя, в свою очередь, делится им на три основных части – учение о Боге, учение о природе, учение о человеке. Бэкон уподобляет каждое из учений трём разнотипным лучам: преломленному, прямому, отражённому. «Природа воздействует на интеллект непосредственно, то есть как бы прямыми лучами, Бог же воздействует на него через неадекватную среду (через творения) преломленными лучами; человек же, становясь сам объектом собственного познания, воздействует на свой интеллект отражёнными лучами» (Бэкон, 1977).

Под первым из указанных разделов понимается теология естественная, содержащая знания, которые «можно получить о Боге с помощью света самой природы и созерцания его творений». Бэконовский инвариант космологического доказательства существования разумной мироуправляющей силы опирается на две фундаментальные философемы: принцип причинности, с одной стороны, и принцип иерархичности – с другой. Принцип причинности, в свою очередь, распадается на два относительно самостоятельных аргумента. Первый из них заключается в следующем. «Когда ум человеческий созерцает рассеянные всюду вторичные причины, он порой может остановиться на них и не идти дальше; но, когда он охватил их цепь целиком, объединил и связал друг с другом, он неизбежно воспаряет ввысь, к провидению и Божеству», – пишет Бэкон в эссе «О безбожии» (Бэкон, 1972). Симптоматично, что в настоящем случае Бэкон практически дословно повторяет тот же ход мысли, каковой применяется им для обоснования существования первопричины. Таким образом, в построениях Бэкона «Бог» и «первопричина» – понятия равнозначные. Было бы, конечно, ошибкой трактовать данное положение в духе деизма или пантеизма. Поскольку, согласно Бэкону, Бог является «творцом и подателем форм» (Бэкон, 1972), Он должен мыслиться и как причина производящая, и как причина управляющая (напомним: формы – сущности вещей).

Таким образом, в универсуме идей Бэкона естественный путь познаний, сфокусированный на выявлении относительной каузальности, угрозы религиозному мировосприятию содержать не может. Скорее, наоборот. «Ведь совершенно ясно, что Бог всегда всё совершает в природе только через вторичные причины» (Бэкон, 1977). В свете сказанного получает обоснование одна из центральных мировоззренческих идей Бэкона: поверхностное знакомство с философией склоняет ум к атеизму, тогда как более глубокое погружение в неё отводит от него (Бэкон, 1977). Здесь же коренятся истоки бэконовской апологии науки: вторичные причины обладают относительной самостоятельностью и как

таковые могут быть предметом знания (и дальнейшего практического применения) (Matthews, 2008), но это знание никоим образом не может затронуть основ веры (Anderson, 1948). «Пусть люди дерзают и смело стремятся в бесконечную даль и достигают успеха в той и другой областях», но «пусть неразумно не смешивают и не путают они два различных учения – теологию и философию – и их источники» (Бэкон, 1977).

Согласно второму доводу, порядок (т. е. космос) из беспорядка возникнуть не может. Впервые в явном виде сформулированное Анаксагором, данное положение впоследствии стало краеугольным камнем всей идеалистической философии. Разделяется оно и Бэконом. «Я скорее поверил бы всем сказкам Легенды, Талмуда и Корана, чем тому, что это устройство Вселенной лишено разума», – заявляет Бэкон в том же эссе «О безбожии» (Бэкон, 1972). Как отмечалось выше, рациональное устройство сущего служит для Бэкона главным (и по существу единственным) доводом против атомистики.

Если первые два довода, основанные на принципе причинности, носят сугубо онтологический характер, то третий из них включает в себя также и аспект гносеологический. Рассмотренный нами выше (в контексте бэконовской интерпретации мифа о Панае) принцип иерархичности сущего служит, с одной стороны, основанием распределения единичных явлений по соответствующим классам, а с другой – выступает предпосылкой постепенного подведения полученных классов под вышестоящие универсальные категории. Это восхождение (каковое, собственно, со времен Сократа и Платона и составляет содержание познавательного процесса) требует признания некоей высшей «точки», указанные категории объединяющей. Объясняя, почему, согласно разбираемому им мифу, рога Пана устремлены к небу, Бэкон пишет: «Нет ничего удивительного в том, что рога Пана достигают даже до неба, поскольку самое высшее в природе, то есть общие идеи (*ideae universales*), некоторым образом соприкасаются даже с божеством. Ведь путь от метафизики к естественной теологии весьма короток и всегда открыт» (Бэкон, 1972).

Как указывалось выше, наряду с естественной теологией, основанной на разуме, Бэконом признается также базирующаяся на вере теология богооткровенная. Если в первом случае Бэкон фактически не выходит за рамки античной традиции (естественная теология – неотъемлемая часть всех основных идеалистических учений от Гераклита до Платона), то присущая воззрениям Бэкона опора на теологию богооткровенную – прямое следствие зависимости от традиции средневековой.

Среди онтологических идей, почерпнутых Бэконом из Откровения, особое значение имеет принцип креационизма. Теоретический смысл догмата о творении сводится к двум основным положениям: указанию на первооснову целесообразности и разумности сущего, с одной стороны, и отрицанию субстанциональности материи – с другой. Если первый из приведённых пунктов легко согласуется с воззрениями целого ряда греческих мыслителей, то второй из них инвариантов в античной мудрости не имеет. Снятие или по крайней мере смягчение данного противоречия становится одной из программных задач христианской апологетики, начиная с отцов и заканчивая представителями возрожденческого платонизма. Отзвуки указанной проблемы отчётливо различаются и в построениях Бэкона. Учитывая причастность английского мыслителя к обеим традициям (и античной, и средневековой), его обращение к данной проблеме выглядит вполне естественно и закономерно.

Предвосхищая постановку «основного вопроса философии», Бэкон отмечает, что с точки зрения разума при решении проблемы происхождения Вселенной возможны «два мнения»: либо она произошла от Меркурия («божественного слова»), либо из «беспорядочного смешения семян вещей». Хотя в плане рациональной

аргументированности указанные подходы равносильны, руководствуясь Откровением, должна быть принята первая из альтернатив.

Утверждая чуждую античному мышлению библейскую идею творения, Бэкон в то же самое время консолидируется с греческими мыслителями идеалистической формации, которые трактовали материю как нечто пассивное и аморфное, начисто лишённое творческой энергии. Возрождая древнее учение о непримиримом дуализме материи и формы, Бэкон обращает специальное внимание на присущую первой тенденцию к хаотизации, проявляющуюся в перманентном противлении порядку и стремлении к снятию налагаемой на нее формы. «Материя обладает известной склонностью, стремлением к разрушению своей формы и возвращению в первоначальный Хаос, и только более могучая сила согласия (воплощенная в Амуре, или Купидоне) сдерживает её разрушительные порывы и заставляет подчиниться порядку» (Бэкон, 1977).

Индифферентность материи к принимаемым ею формам даёт Бэкону основание олицетворять последнюю с Протеем (Бэкон, 1977). Бэкон присоединяется к мнению античных мыслителей, которые («подобно Платону и Аристотелю») «рассматривали материю как публичную женщину, а формы – как её клиентов» (Бэкон, 1977; Бэкон, 1982). Впрочем, в данном случае Бэкон согласен с платониками лишь частично. Разделяемый ими тезис о самобытности бесформенной материи английским мыслителем решительно отвергается и критикуется как несостоятельный и противоречащий опыту. Попутно отметим, что признание таковой самобытности противоречит не только опыту, но и утверждающему абсолютный монизм Откровению. Отдавая предпочтение воззрению досократиков, исходивших из триединства материи, формы и движения, Бэкон настаивает на том, что «абстрактная материя» Платона и Аристотеля есть «материя дискуссий, а не материя Вселенной» (Бэкон, 1972). Обращаясь к библейскому Шестодневу, английский мыслитель отмечает, что даже в тех случаях, когда утверждается, что «вода» или «суша» произвели те или иные виды растений и животных, за их появлением стоит сила Творца, наделяющего «должным образом подготовленную материю» определённой созидательной способностью. «Мы достаточно хорошо знаем из священной истории, что материя находилась в таком состоянии как раз перед самым моментом творения; тогда-то в силу того божественного глагола «Да произведет!» материя по воле создателя, а не своими кружными путями внезапно слилась воедино и, до конца доведя свое дело, установила виды» (Бэкон, 1972).

Наряду с идеей творения неотъемлемой частью религиозной составляющей онтологической модели Бэкон выступает важное как для античной, так и для средневековой философской культуры представление о Промысле. Бэкон определяет Промысел как «время от времени» обнаруживающуюся закономерную связь «между явной и тайной волей бога» (Бэкон, 1972). В идейном универсуме Бэкона понятие Промысла выполняет две взаимодополняющих функции. Оно подчеркивает предзаданность существующего мирового порядка, с одной стороны, и его непроницаемость для человеческой мудрости – с другой. Иллюстрируя последнее примером из знаменитого античного мифа о музыкальном состязании Аполлона и Пана, Бэкон постулирует существование двух гармоний – гармонии божественного провидения и гармонии человеческого разума (Бэкон, 1972). И, хотя для ума и слуха смертных «божественное управление миром и тайные предназначения бога звучат как что-то грубое и дисгармоничное», причина этой оценки кроется в невежестве воспринимающих. По мысли Бэкона, в мифе указанное невежество символизируется ушами Мидаса. Ложность поверхностной оценки рано или поздно становится очевидной. Неудивительно, что размышляя о Промысле, Бэкон сближает данное понятие и с идеей «возмездия» (Бэкон, 1972). В бэконовской концепции Промысла органично сочетаются два относительно

самостоятельных принципа, о которых уже говорилось выше: детерминированность сущего, с одной стороны, и представление об ограниченности человеческого познания, с другой. Бог действует через вторичные причины. Вторичные причины познаваемы, но взаимообусловленность причинных рядов остаётся для человека непостижимой. Таким образом, в модели английского философа мир не только создаётся, но и управляется.

Заключение

Проведённый анализ онтологического учения Бэкона требует серьёзной корректировки общепринятых оценок его идейного наследия.

Прежде всего речь идёт о трактовке Бэкона как «основоположнике новоевропейского материализма». Верно, что Бэкон склоняется к атомистическому пониманию материи и солидаризируется с Демокритом в его стремлении согласовывать философские построения с данными чувственного опыта. Но в креационистской модели английского мыслителя материя первопричиной сущего не является. Кроме того, лишая последнюю созидательной энергии (т. е. трактуя материю сугубо идеалистически), Бэкон исключает возможность её самоорганизации. Гипотеза случайного возникновения мирового порядка представляется Бэкону абсурдной.

Не менее ошибочно видеть в английском мыслителе безусловного противника схоластики. Бэкон критикует неэффективность средневековой методологии, но её базовые мировоззренческие принципы: креационизм, провиденциализм, ревелационизм – сомнению не подвергаются.

Неприемлема и позитивистская по сути характеристика Бэкона как антиметафизика. Наряду с относительной каузальностью Бэконом признается и каузальность абсолютная. Отражая единство сущего, метафизика венчает пирамиду естественных знаний и подготавливает переход к теологии. Укажем также на разделяемые Бэконом базовые метафизические принципы: принцип причинности, закон недопустимости противоречия.

Приверженность Бэкона концепции двух истин делает ложной (в её односторонности) оценку английского мыслителя как чистого эмпирика. В процессе познания универсума, по мысли Бэкона, в равной степени необходимо опираться как на чувственный опыт, так и на Откровение. Следует учитывать и разделяемую английским мыслителем убежденность в неизбежной относительности чувственного опыта. Последний ограничен причинами вторичными, посредством которых мироздание в его целостности объяснено быть не может.

Ф. Бэкон по праву считается одним из родоначальников новоевропейской философии. Оценка его творчества не может не оказывать влияния на аутентичность осмысления целой эпохи.

Приведенные в работе материалы могут оказать существенную помощь не только в изучении и освоении идейного наследия самого Ф. Бэкона, но дают возможность составить дифференцированное представление об основополагающих проблемах истории и теории философской мысли.

Список литературы

1. Аристотель. Соч. в 4-х тт. М.: Мысль, 1976. Т. 1. 550 с
2. Бэкон Ф. Соч. в 2-х тт. М.: Мысль, 1977. Т. 1. 567 с.
3. Бэкон Ф. Соч. в 2-х тт. М.: Мысль, 1972. Т. 2. 572 с.
4. Дроздова Д.Н. Фрэнсис Бэкон: между мифом и историей // Эпистемология и философия науки. 2021. № 3.

5. Егоров Д.Г. Манойлова М.А., Страхов В.В. Основной вопрос философии в поле гносеологии: Р. Декарт VS Ф. Бэкон // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 10 (112). Ч. 2. С. 93-95.
6. Конт О. Дух позитивной философии. Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. 256 с.
7. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1982. 623 с.
8. Левин Г.В. Материализм // Новая философская энциклопедия: / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд. М.: Мысль, 2010. 744 с. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/page/about> (дата обращения 06.01.2024).
9. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Издание 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 699 с.
10. Платон. Соч. в 4-х тт. М.: Мысль, 1978. Т. 3.
11. Субботин. А.Л. Френсис Бэкон и принципы его философии. Вст. статья // Бэкон Ф. Соч. в 2-х тт. М.: Мысль, 1977. Т. 1. 1142 с.
12. Субботин А.Л. Бэкон Фрэнсис // Новая философская энциклопедия: в 4 т. /Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд. М.: Мысль, 2010. 89 с. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/page/about> (дата обращения 06.01.2024).
13. Фейербах Л. Франциск Бэкон Веруламский // История философии. В 3 тт. М.: Мысль, 1974. Т. 1. 544 с.
14. Фишер К. История Новой философии. Френсис Бэкон. М.: АСТ. 2003. 541 с.
15. Царегородцев С.С. Социально-политический аспект творчества Фрэнсиса Бэкона: миф и реальность // Социально-гуманитарные знания. 2018. №3. С. 178-187.
16. Чельшев П.В. Ф. Бэкон – основатель методологии экспериментальной науки Нового времени // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. №3. Ч. 1. С. 178-181.
17. Anderson F. The Philosophy of Francis Bacon, Chicago: University of Chicago Press. 1948.312 p.
18. Klein J. and Guido G. Francis Bacon. Stanford Encyclopedia of Philosophy
19. Matthews S. Theology and science in the thought of Francis Bacon – Ashgate, 2008. 83 p.

References

1. Aristotle. Op. in 4 volumes. M.: Thought, 1976. Vol. 1. 550 p. (In Russ).
2. Bacon F. Soch. in 2 volumes. M.: Thought, 1977. Vol. 1. 567 p. (In Russ).
3. Bacon F. Soc. in 2 volumes. M.: Thought, 1972. Vol. 2. 572 p. (In Russ).
4. Drozdova D.N. Francis Bacon: between myth and history // Epistemology and philosophy of science. 2021. No. 3. (In Russ).
5. Egorov D.G. Manolova M.A., Strakhov V.V. The main question of philosophy in the field of epistemology: R. Descartes VS F. Bacon // International Scientific Research Journal. 2021. No. 10 (112). Part 2. pp. 93-95. (In Russ).
6. Comte O. The spirit of positive philosophy. Rostov-on-Don: Phoenix, 2003. 256 p. (In Russ).
7. Losev A.F. Aesthetics of Renaissance. M.: Mysl, 1982. 623 p. (In Russ).
8. Levin G.V. Materialism // New Philosophical Encyclopedia: / Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; National Social Science Foundation. Moscow: Mysl, 2010. 744 p. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/page/about> (accessed 06.01.2024). (In Russ).
9. Marx K. and Engels F. Essays. Edition 2-E. M.: State Publishing House of Political Literature, 1955. 699 p. (In Russ).

10. . 10. Plato. Op. in 4 volumes. M.: Thought, 1978. Vol. 3. (In Russ).
11. Subbotin. A.L. Francis Bacon and the principles of his philosophy. article // Bacon F. Op. in 2 volumes. M.: Thought, 1977. Vol. 1. 1142 p. (In Russ).
12. Subbotin A.L. Bacon Francis // New Philosophical Encyclopedia: in 4 volumes /Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; National Social Science Foundation. Moscow: Mysl, 2010. 89 p. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/page/about> (accessed 06.01.2024). (In Russ).
13. Feuerbach L. Francis Bacon Verulamsky // History of Philosophy. In 3 volumes. M.: Thought, 1974. Vol. 1. 544 p. (In Russ).
14. Fischer K. The history of the New Philosophy. Francis Bacon. M.: AST. 2003. 541 p. (In Russ).
15. Tsaregorodtsev S.S. Socio-political aspect of Francis Bacon's work: myth and reality // Socio-humanitarian knowledge. 2018. No.3. pp. 178-187. (In Russ).
16. Chelyshev P.V. F. Bacon – founder of the methodology of experimental science of Modern times // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. Tambov: Diploma, 2017. No.3. Part 1. pp. 178-181.
17. Anderson F. The Philosophy of Francis Bacon, Chicago: University of Chicago Press. 1948.312 p.
18. Klein J. and Guido G. Francis Bacon. Stanford Encyclopedia of Philosophy
19. Matthews S. Theology and science in the thought of Francis Bacon – Ashgate, 2008. 83 p.

Conceptualization of F. Bacon's ontological position: a historical and philosophical approach

Evgeny A. Vorontsov

Candidate of Philosophical Sciences.

associate Professor of the Department of sociology and media communications

Russian State University of Social Technologies

Moscow, Russia

evg-v@yandex.ru

Original article

Received 17.11.2023

Revised 11.02.2024

Accepted 29.03.2024.

Abstract

The idea of F. Bacon as the founder of New European empiricism, an apologist and methodology of science, who challenged scholastic models of understanding of existence, is now generally recognized. The analysis of the ontological position of the English thinker carried out within the framework of this work puts on the agenda the expediency of a radical reassessment of his philosophical heritage. Bacon's ontological model is based on two relatively independent ideological sources - philosophical and religious ones. Analyzing the first of these components, the author identifies three interrelated elements in it: the doctrine of the types and levels of causality, the doctrine of the unity of matter and form, the concept of the pyramidal structure of cognition and being. The ideological core of the religious component of Bacon's ontological model consists of three fundamental principles – creationism, providentialism, and revelationalism. In the course of the work, the main philosophical (metaphysics, dialectics,

hermeneutics) and general scientific research methods (comparative historical analysis, the principle of consistency, the principle of ascent from abstract to concrete) were used.

Keywords

F. Bacon, causality, metaphysics, science, epistemology, hylomorphism, matter, empiricism, theory of two truths.

© Воронцов Е.А., 2024.